

Научная статья
УДК 398.8
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-452-460
EDN: UIPYUM

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Аннотация. Перевод остается важнейшим средством донесения феноменов словесного искусства до иноязычной аудитории. Поэтому для разных задач фиксации особенностей художественного текста существуют и разные типы передачи содержания оригинала на язык другой среды. В статье рассматриваются некоторые наиболее характерные трудности, которые возникают при обращении к типу перевода, именуемого научно-аналитическим. Признавая фактическую неповторимость всех особенностей источника, внимание обращается на то, какие пути преодоления языкового барьера могут быть использованы в работе над поэтическими текстами, когда языки источника и перевода принадлежат к таким разным структурным типам, как адыгские, относящиеся к группе иберо-кавказских языков и русский – один из индоевропейских. Не отрицая важной роли индивидуального мастерства переводчика, автор приходит к выводу о необходимости поисков органического единства переводного текста и сопровождающих комментариев с глоссарием. Предмет исследования ограничивается поэтическими текстами.

Ключевые слова: научно-аналитический перевод, фоника, разноструктурные языки, версификация, семантика, рифма, аллитерация.

Для цитирования: Гутов А.М. Некоторые проблемы научно-аналитического перевода эпических текстов // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 452-460. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-452-460. EDN: UIPYUM.

© Гутов А.М., 2023

Original article

SOME PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND ANALYTICAL TRANSLATION OF EPIC TEXTS

Adam M. Gutov

Institute of Humanitarian Researches – Affiliated Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

Abstract. Translation remains the most important means of communicating the phenomena of verbal art to a foreign language audience. Therefore, for different tasks of recording the features of a literary text, there are different types of transferring the content of the original into the language of another medium. The article discusses some of the most typical difficulties that arise when turning

to the type of translation called scientific-analytical. Recognizing the actual uniqueness of all the features of the source, attention is drawn to what ways to overcome the language barrier can be used in working on poetic texts when the source and translation languages belong to such different structural types as Adyghe, belonging to the group of Ibero-Caucasian languages and Russian - one of the Indo-European ones. Without denying the important role of the individual skill of the translator, the author comes to the conclusion that it is necessary to search for the organic unity of the translated text and accompanying comments with a glossary. The study's focus is solely on poetry texts.

Keywords: scientific-analytical translation, phonics, differently structured languages, versification, semantics, rhyme, alliteration

For citation: Gutov A.M. Some problems of scientific and analytical translation of epic texts. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 452-460. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-452-460. EDN: UIPYUM.

© Gutov A.M., 2023

Известна прямая связь между избранной методикой перевода и полнотой передачи на другом языке семантического и художественного содержания текста оригинала. В свою очередь, сам тип данного действия определяется функциями, которые намечены как цель, хотя сверхзадачей непременно остается стремление к тому, чтобы всякий перевод имел по возможности более широкое назначение. Это положение, представляющееся аксиоматичным, имеет в каждом конкретном случае свои особенности или собственные приоритеты в зависимости от поставленной ключевой задачи выполняемой работы. Оно также связано в немалой мере с типологической идентификацией языка источника и языка перевода. Поскольку даже в близкородственных языках при ретрансляции текста далеко не всегда бывает возможным передать с достаточной полнотой все особенности источника, которые признаются существенными в конкретном случае, это оказывается особенно важным. Когда же речь идет о языках разноструктурных, сложности, как известно, могут возрасти многократно. При безусловно полном сохранении семантического потенциала, что часто программируется как одна из ключевых задач перевода, бывает порою практически невозможно сохранить грамматическую структуру оригинала (так как сами языки типологически различны), а наряду с этим разрушаются ритм, часть образной выразительной системы, отдельные параллельные конструкции, не говоря уж о характере звуковой организации текста. В случае же, когда переводчик ставит своей целью сохранение грамматических конструкций, возрастает степень вероятности того, что в его тексте окажется значительное число сочетаний, не характерных для грамматического строя и ритмики речи языка, на который осуществляется перевод. Если же стоит задача сохранить ритмическую структуру источника, требуется, как правило, сознательно пожертвовать полнотой передачи содержания, а нередко и отдельными синтаксическими параллелями и образными ассоциациями. Но и при таких жертвах не гарантировано, что подобного рода переложение непременно создаст полноценный аналог источника с точки зрения его художественного своеобразия. Поэтому, избирая

в качестве ориентира определенные, представляющиеся во всем правильными принципы перевода поэтического текста с одного языка на другой, исполнитель нередко оказывается вынужденным признать практическую невозможность неукоснительного соблюдения изначально принятых и даже им же самим декларированных исходных принципов работы над текстом. В подобных случаях остается только констатировать, что принятая к руководству методологическая программа есть не более, чем своего рода «декларация о намерениях», выполнение которых на самом деле проблематично. Это вынуждает переводчика сознательно отказаться от передачи особенностей одного рода, чтобы с наибольшей выразительностью отразить в своем тексте другие, заданные в соответствии с избранной целью.

К освещению проблем научно-аналитического перевода мы обращались и ранее [Гутов 2020: 83-90]. В настоящей работе мы ставим своей задачей рассмотреть на анализе конкретных фольклорных текстов несколько характерных случаев, когда переводчик текста с адыгских языков на русский испытывает наибольшие затруднения и вынужден искать дополнительные способы для донесения до русскоязычного читателя смыслового и эстетического содержания источника. Предмет рассмотрения – тексты историко-героических песен адыгов (черкесов), над подготовкой к печати которых в настоящее время работает группа специалистов. Полагаем, что подобного рода сложности возникают при попытках перевода художественного текста и с любого языка на любой другой.

Как правило, свои сложности в работе по переводу как прозаических, так и поэтических текстов, встречаются на самых разных уровнях. Это и лексика с семантикой, и фонетика, и грамматика, и структура предложения. Принято считать, что в данном отношении наибольшую сложность представляют поэтические тексты, поэтому чаще всего внимание исследователей и практических исполнителей концентрируется на них. Заметим, что в каждом типе текста – поэтическом или прозаическом – есть свои специфические особенности. В силу такой специфики поэтический текст более всего характерен ритмом и системой способов звуковой организации в целом. Однако это именно те внешние признаки, которые, пожалуй, сложнее всего передать на ином языке, поэтому мы ограничиваем круг рассматриваемых вопросов данной областью.

Проблемы полноты ретрансляции возникают, как мы полагаем, не только из-за различия фонетических систем. Немаловажно и то обстоятельство, что даже звуки, имеющие в обоих языках одни и те же или очень близкие характеристики в плане звучания и особенностей образования в артикуляционном аппарате, могут значительно различаться частотностью употребления в зависимости от характера текста – в живой обиходной речи или в речи организованной поэтически. То же можно сказать и относительно их потенциальной сочетаемости с другими звуками языка. Иначе говоря, такие комбинации звуков, которые воспринимаются совершенно естественными в среде носителей одного языка, могут быть нехарактерными для закономерностей фонетики другого, если эти звуки и сочетания в нем вообще есть. Это значит, одни и те же или очень сходные фонемы в разных языковых

средах могут иметь разный удельный вес и различную частотность употребления по своему эстетическому потенциалу. В то же время один из существенных факторов формирования поэтического текста, как хорошо известно, это именно фоническое обеспечение. Более того, фоника способна влиять и на лексико-семантическую номенклатуру поэтического текста, примеры чего мы постараемся рассмотреть.

Фактически все авторы, касающиеся в своих трудах проблем звуковой организации поэтического текста адыгского фольклора, отмечают единодушно ведущую роль одного из распространенных приемов звуковой организации устно-поэтического текста. По форме это одна из разновидностей повтора, при котором отдельный звук, сочетание звуков или же целое слово конкретного стиха как бы «эхом» отзывается в последующем смежном стихе. В трудах исследователей он пока еще не обрел единого общепринятого наименования. Из формальных признаков данного явления проистекает целая гамма вариантов его терминологического обозначения: *стык, подхват, подхватная рифма, эховая рифма, просто рифма, анадиплосис, акромнограмма*. Как отмечено, названный тип повторов богат вариантами – от одного звука до целого слова или даже сочетания слов. Есть основание признать, что такое разнообразие форм проявления данного приема организации поэтического текста стало одной из причин разнобоя и в его терминологическом обозначении.

В тех случаях, когда в тексте налицо повторяющийся отдельный звук, было бы резонно отнести это явление к разновидностям таких известных приемов как аллитерация или же ассонанс. Коренное отличие от них заключается лишь в регламентированной позиции повтора: в данном случае повтор призван обязательно связывать смежные блоки, поэтому созвучия располагаются строго в конечной части одного стиха (т. е. во втором полустишии) и начальной последующего (в его первом полустишии). Когда же повторяется целое слово или сочетание слов, это близко к тому, что В.М. Жирмунский обозначил термином «пантум» [Жирмунский 1975: 482]. Может представиться, что и в подобном случае пока нет веских оснований для выделения рассматриваемого явления как самостоятельного поэтического приема. К тому же, свое вполне правомерное дефинитивное обозначение можно было бы найти и для повторов на уровне звуковых комплексов или морфологических единиц. Однако если рассматривать все виды повторов разного рода (на уровне звука, комплекса звуков, лексических основ и даже словосочетаний) в смежных стихах или же в пределах одной строфы, окажется целесообразным выделение всех случаев повторений отмечаемого характера как единого технического средства в системе адыгской версификации.

В тех случаях, когда повторяющаяся часть текста оказывается семантически значимой лексической единицей, оно обычно не представляет особого труда для переводчика:

...Мы унэшхом сыхьакІэу сисыти сезац,
Сызэщымэ щэжъыри сэупсы.
Щэжъэу сэупсырэр мыохъу...

...В этом доме большом я гостю подобно сажу и *скупаю*,
Скупаю и стрелу мощную наостряю,
 Стрела мощная, что я наостряю, не промахивается...
 [Борэжы игъыбз (Сетование Боря Могуچهга) МыкЮсэрэ... 1994: 75-76].

Аналогичным образом выделены сходные повторы.

Однако сложнее бывает передать особенности звучания в случае, когда далее в том же тексте семантически маркированная часть обретает при повторении иное смысловое содержание:

...Щэжъэу сэупсырэр мыохъу,
 Пчыхъэм и хъугъоми къысадж...[там же].
 Стрела мощная, что я наостряю, не **промахивается**,
К наступлению вечера меня окликают...

В слове *мыохъу* повторяющаяся далее часть, *-охъу*, это глагольная форма от инфинитива *охъун* – *промахнуться, промахиваться*. Но созвучное ему – *хъугъо-* в последующем стихе имеет совершенно другое значение – *время наступления* <вечера>. Звуковыми повторами связываются слова совершенно разные по смыслу. Между тем подобного рода «связки» – один из путей возникновения цельного поэтического текста, в котором содержание и форма состоят в довольно сложных отношениях и при этом создают гармонию, благозвучие. Передать такую особенность на другом языке бывает маловероятно, еще чаще – практически невозможно. Но когда в тексте перевода данный прием, основанный на созвучиях, вынужденно оставляется неотмеченным, следом разрывается вся цепочка, связывающая воедино смежные фрагменты, будто бы не имеющие более очевидной логической связи. В сущности, эта связь имеется, но она обнаруживается не в сфере семантики, а в области звуковых ассоциаций. В тканевой структуре адыгского текста это своего рода скрепа, при исчезновении которой в переводе тут же неминуемо обнажается формально-логическое несоответствие, и это лишает русскоязычный текст цельности, очевидной в источнике. Еще сложнее в данном же фрагменте оказывается отразить десятикратное повторение звука *-с-*: семь раз он употреблен в значении корневой основы местоимения первого лица единственного числа, дважды – в качестве части корня со значением *наострять, точить, строгать*, еще один раз в составе корня еще с одним значением – *сидеть*.

Подобного рода сочетания можно встретить чуть ли не в каждом поэтическом тексте песен историко-героического эпоса. Очевидно, что попытки передать такие особенности на другом языке по большей части оказываются бесперспективными, хотя порою бывают и удачные совпадения. Такова, например, следующая устойчивая формула из цикла о Ешанокко:

«Е`-щІэ-но`-къуэ Уэ`-зыр-мэ`с-рэ / я` - нэхъ – е`-су – Те`-мыр-къа`-нрэ».

В плане ритмическом она двухчастна и образует два полустипа четырехстопным хореем. Устойчивость формулы обеспечивается равным количеством слогов в обеих частях, идентичной позицией опорных ударных

гласных на последней стопе, а также повторами созвучий между первой и второй половинами. В переводе с наибольшим приближением к закономерностям русского языка мы предлагаем следующий вариант: «Озырмес Ешаноко и средний ростом Темиркан» очевидно, что при этом утрачен ритм источника, а с ним и внутристиховая ритмическая пауза, четко разделяющая стих на две половины. Кроме того, не представляется возможным сохранить аллитерацию на *-р-* (четырёхкратное повторение, в том числе два в сильной позиции концовки стиха, где *-рэ* – это союзный аффикс. Но при этом удастся сохранить такую опорную связку как аллитерация на звук *-с-*. Однако подобного рода удачи в области фоники правомерно относить к разряду везений, но не к закономерностям.

Важно принять во внимание и то, что в данной формуле представлен целый комплекс созвучий иного рода, из которых далеко не все удастся передать средствами другого языка. Разумеется, особые индивидуальные способности переводчика могут сказаться и на качестве его текста. Однако это случаи частного характера, мы же ведем речь об общих закономерностях. В таких случаях, как очевидно, было бы предпочтительно сознательно сконцентрировать внимание на передаче смысла, демонстрацию же особенностей звуковой организации придется отнести по преимуществу в комментарии. Однако при этом возникает другая проблема: число подобных случаев в песенных текстах настолько значительно, что при избранном нами подходе даже самые лаконичные разъяснения могут кратно превысить своим объемом и оригинал, и перевод вместе взятые. Весьма вероятно, что в результате получится не живая передача поэтического своеобразия, а совокупность уточнений и пояснений, которые в восприятии читателя загромаждают само переводимое произведение и разрушают цельность восприятия. В лучшем случае они способны вызвать живой интерес у специалиста-исследователя, но никак не у широкой массы любителей словесного искусства.

Чтобы подтвердить изложенное суждение, обратимся еще к одному примеру, фрагменту из записи песни о Гудаберде, Азепшеве сыне:

Урыху и банэм лъыхэр хезгъаишэщ,
 Сымыхашэн щхьэкIэ Къырым сокIуэж,
Къэбан пщIэгъуалэр пщэ задэт,
Пщи зи хьэдэгъуэр тхьэм къысщишэт,
 Сымыхашэн щхьэкIэ хэкум сокIыж.
 Урухские заросли я кровью окропил,
 Чтобы не доноситьствовать, я в Крым отправляюсь,
 Кобановский белый конь крутошей был,
Тот, у кого князя труп, настроен против меня,
 Чтобы не доноситьствовать, я край покидаю [Архив ИГИ: папка 21-в, пасп. 2].

Для большей наглядности мы выделяем одинаковые случаи повторов одинаковыми обозначениями, для чего использованы курсив, подчеркивание, сочетание того и другого, а также полужирный шрифт. В тексте оригинала

очевидна стройная и довольно сложная структура повторов: в одном случае налицо связи между смежными стихами при посредстве комплекса звуков, в совокупности обретающих семантику. Но поскольку в различном окружении эти комплексы обозначают разные явления и даже оказываются разными частями речи (*окропил – доносить/доставать; крутошей – тот, у кого князя труп; Настроен против – доносить/доставать*), перевод теряет не только динамизм текста оригинала, но и самоё логику изложения. Немаловажно заметить, что и то, и другое обеспечиваются фоникой и ритмом, при их отсутствии связи распадаются, и вместо поэтического текста оказывается хаотическое сочетание слов. Единственный случай, когда перевод с достаточной выразительностью приближен к оригиналу, это концовки второго и пятого стихов строфы: **отправляюсь – покидаю**. Однако и здесь не оказалось возможным сохранить характерные созвучия, преодолевающие эффект банальной глагольной рифмы. Помимо того, вся строфа в адыгском тексте пронизывается, как надежной нитью, классической формой аллитерации на звуки *-х-*, *-с-*, однако передать это также не представляется возможным. Очевидно, что только незаурядный мастер художественного перевода способен воссоздать некий аналог того, что мы имеем в источнике. Но проблематично, чтобы и тогда даже самый опытный поэт-ретранслятор сумел сохранить наряду с этим и все остальные достоинства переводимого текста. Задачей же научно-аналитического типа перевода является не создание равнозначного поэтического текста, а донесение до читателя подлинных достоинств того текста, который мы преподносим иноязычному читателю. Как представляется, этого можно достигнуть с наибольшей полнотой только при сочетании переводного текста с пояснениями к нему.

Как отмечалось, звуковая оболочка порою имеет настолько важное значение, что певец иногда жертвует смыслом ради ее сохранения. Считаем уместным привести несколько примеров из одного и того же источника, что призвано свидетельствовать о распространенности называемого явления. Здесь и далее примеры взяты из первой части третьего тома музыкального издания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов»:

Шухэр зэдилъмэ, лъэрытемыт гушэурэ **мэщлысыр**
Щыльэм щызекIуэкIэ...
 Когда всадники тронутся, он неудержимо **вырывается**,
По земле когда ходит... [Народные песни... 1986: 84].

Глагола «*мэ-щлыс*» (инфинитив – «*щлыс-ын*») в живых адыгских языках нет, это своего рода «темное место» или окказионализм, появление которого обусловлено потребностью акустической связки с последующим стихом, который начинается с сочетания «*щлы-*». Перевод словом «вырывается» здесь не по выраженному значению, а по смыслу, угадываемому из контекста.

Фрагмент другой песни и вовсе изобилует примерами подобного рода:

...И гьущI фащэкIэ зэщIисщ,
 Шэсми уанэр **зыкIебл**,

БлаццIэр зи сагъындакъ,
 И гъущI **дакъэм зыресэ**,
Ембырухэр зи сэх,
Псэхэхынхэр зи джатэ...
 ...Его железные доспехи по его росту,
 Когда он сядет на коня, они седло закрывают,
 Черная змея – его сагайдак,
 Его железный поручень вздымается,
 Ембыру (предположительно – порода дерева) – его столб,
 Вынимающее душу – его меч [Там же: 125].

Между парами *зэццIисц* (по росту) – *шэсми* (когда сядет на коня), *зыкIебл* (накрывает) – *блаццIэ* (черная змея), *сэх* (столб) – *псэхэхынхэр* (вынимающие душу) нет видимой логической связи, главное, что их объединяет, это созвучия. Более того, в живом языке нет слов *зэццIисц*, *зыкIебл*, *ембыру*. Также странно употребление фразы *и гъущI дакъэм зыресэ* (его железный поручень вздымается), так как смысл его неопределенен при достаточной определенности автологического значения каждого из слов в данном сочетании. Как можно полагать, всё это новообразования, появление которых в песенном тексте также обусловлено адаптацией к эстетике поэтического текста. Только в конкретном контексте они обретают свою значимость, которая исчезает при попытке перенести их в систему понятий на ином языке.

Рассмотренными несколькими примерами не исчерпывается многообразие трудностей, возникающих в процессе перевода с адыгских языков на русский. Однако их достаточно, чтобы получить представление о степени сложности поставленной задачи. Мы можем также констатировать, что даже при очевидной невозможности сохранения на ином языке всего колорита оригинала, все же остается вероятность донесения до русскоязычного читателя наиболее важных, специфических особенностей песен на адыгских языках. Просто для этого всегда требуется иметь и профессиональные навыки работы с текстами, и умение с наибольшей полнотой сочетать закономерности практического функционирования обоих языков, и сознательное разделение между тем, что практически возможно вложить в основной текст перевода, и тем, что обязательно следует отнести к комментариям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архив ИГИ – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Папка № 21-в, паспорт 2. Азэпщ и къуэ Гъудэберд – Гудаберд, Азепшев сын.

Гутов 2020 – Гутов А.М. Особенности научно-аналитического перевода адыгских историко-героических песен // Вестник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. – 2020 – № 2. – С. 83-90.

Жирмунский 1975 – Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л.: Советский писатель, 1975. – 664 с.

МыкIосэрэ... 1994 – МыкIосэрэ жъуагъохэр. Мыекъуапэ: МыотIхэр, 1994. – 336н. // Немеркнуцие звезды. Майкоп: Меоты, 1994. – 336 с. (на адыгейск. яз.).

Народные песни... 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III, ч. I. – М.: Советский композитор, 1986. – 264 с.

REFERENCES

Arxiv Instituta gumanitarny`x issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Folder No. 21-с, passport 2. Azepshch and kue Gudeberd – Gudaber, Azepshev's son. (In Russ.).

GUTOV A.M. *Osobennosti nauchno-analiticheskogo perevoda ady`gskix istoriko-geroicheskix pesen* [Features of scientific and analytical translation of Adyghe historical and heroic songs] // Bulletin of the Institute for Humanitarian Research, KBSC RAS. – 2020. – No. 2. – P. 83-90. (In Russ.).

ZHIRMUSKY V.M. *Teoriya stixa* [Theory of verse]. – L.: Soviet writer, 1975. – 664 p. (In Russ.).

UNFADING STARS. *Nemerknushhie zvezdy`* [Unfading stars]. – Maykop: Meoty, 1994. – 336 p. // *Myklosere zhuagoher*. – Myekuape: Myotlher, 1994. – 336 n. (In Adygh. lang.)

FALK SONGS AND INSTRUMENTAL TUNES OF THE ADYGHES. *Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghs]. – Т. III. – Part I. – М.: Soviet Composer, 1986. – 264 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Sciences (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 29.11.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 29.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.